

**ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
за 2015 год**

Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Ивановской области, ежегодно проводимый ее Советом, наглядно показывает состояние профессиональной дисциплины в адвокатском сообществе региона, позволяет выявить наиболее распространенные проступки, допускаемые нашими коллегами, информировать об этом членов сообщества и определять приоритетные направления в работе по дальнейшему укреплению профессиональной дисциплины. Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры.

За период 2015 года в АПИО поступило 55 обращений (в 2014 г. – 81), из которых:

- жалобы и заявления граждан – 38 (в 2014 г. – 56);
- частные постановления и определения судов – 5 (в 2014 г. – 8);
- сообщения из судов – 4 (в 2014 г. – 3);
- сообщения из следственных органов – 7 (в 2014 г. – 8);
- представление вице-президента АПИО – 1 (в 2014 г. – 4)

Сравнивая приведенные данные с 2014 годом, следует отметить, что общее количество обращений уменьшилось на 26, то есть примерно на 32%. Число повторных обращений в 2015 г. снизилось до 2 (в 2014 г. – 5).

В 2015 г. в АПИО не поступали жалобы на коллег от адвокатов (в 2014 г. была одна жалоба).

Все поступившие в палату обращения были разрешены в соответствии с процедурными основами дисциплинарного производства в установленный срок, на все обращения даны письменные ответы, вынесены соответствующие распоряжения президента АПИО с соответствующей фактической и правовой аргументацией.

Всего в 2015 году было возбуждено 8 дисциплинарных производств, из них 4 - по жалобам граждан (2 - жалобы по уголовным делам, 2 – по гражданским делам), 3 – по частным постановлениям и определениям судов, одно объединенное дисциплинарное производство по сообщению судьи и представлению вице-президента в отношении одного адвоката (в порядке, предусмотренном п. 2.1 ст. 20 КПА).

Из содержания поступивших в адрес палаты обращений усматривается, что:

- как и ранее, наибольшие нарекания судов и следственных органов вызывают факты неявки адвокатов без уважительных причин и иные действия адвокатов, влекущие срывы судебных заседаний и следственных действий;
- имеются сообщения судов о ненадлежащем исполнении адвокатами-защитниками своих обязанностей перед доверителями и, в частности, о таких нарушениях адвокатов, которые повлекли отмену принятых итоговых судебных актов;
- в жалобах граждан чаще всего имеют место претензии по поводу неисполнения или ненадлежащего исполнения адвокатами принятых на себя обязательств по оказанию юридической помощи доверителям; требования по возврату оплаченного гонорара в случае расторжения соглашения с адвокатом; о завышении размера вознаграждения за оказание юридической помощи.

Анализ дисциплинарной практики за истекший год показывает, что большая часть обращений с требованиями о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности является необоснованной. Из 55 обращений основаниями для возбуждения дисциплинарных производств явились лишь 9, что составляет примерно 16 %.

Основаниями для отказа в возбуждении дисциплинарных производств за исследуемый период являлись:

- отсутствие допустимого повода (чаще всего, это - обращение лица, не имеющего права ставить вопрос о возбуждении дисциплинарного производства, например, истец жалуется на адвоката-представителя ответчика; а также, не указание заявителем обстоятельств, на которых он основывает свои требования, либо отсутствие доказательств, подтверждающих такие обстоятельства);
- наличие обстоятельств, исключающих возможность дисциплинарного производства (например, истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности);
- отзыв жалобы заявителем вследствие урегулирования спорного вопроса на стадии до принятия решения президентом АПИО по существу обращения;
- отсутствие признаков дисциплинарного проступка в действиях адвоката.

По результатам рассмотрения квалификационной комиссией и Советом АПИО в 2015 году восьми дисциплинарных производств три из них были прекращены за отсутствием в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката; по пяти дисциплинарным делам адвокаты были привлечены к различным мерам дисциплинарной ответственности: замечание объявлено трем адвокатам, предупреждение – одному адвокату, в отношении одного адвоката применена мера дисциплинарной ответственности - прекращение статуса адвоката.

Разбирательство по всем дисциплинарным делам осуществлялось, как и прежде, в закрытых заседаниях квалификационной комиссии и Совета палаты; ходатайств в порядке п. 4 ст. 19 КПЭА о полностью или частично открытом разбирательстве в указанные органы палаты от лиц, обратившихся с жалобой, представлением, обращением, не поступало. Мы, по-прежнему, не имеем пока опыта полностью или частично открытого рассмотрения дисциплинарных производств.

Ни по одному из рассмотренных дисциплинарных производств стороны не воспользовались правом, предоставленным п. 3 ст. 20 КПЭА, предложить в письменной форме способ разрешения дисциплинарного дела. Не было фактов участия сторон в дисциплинарном производстве через представителей.

Вопросы досрочного снятия с адвоката наложенных ранее дисциплинарных взысканий в 2015 году Советом не рассматривались, поскольку заявлений от адвокатов либо ходатайств от адвокатских образований о досрочном снятии дисциплинарных взысканий в порядке п. 1 ст. 26 КПЭА в Совет не поступали. По инициативе Совета подобные вопросы также не рассматривались.

Как и прежде, Совет АПИО не имеет пока опыта по рассмотрению вопросов отмены либо изменения им своего решения о применении мер дисциплинарной ответственности к адвокату при наличии новых и (или) вновь открывшихся обстоятельств в соответствии с п. 3 ст. 25 КПЭА. В этой связи мы до настоящего времени не имеем процедурных наработок пересмотра дисциплинарного дела в соответствии с вышеуказанной нормой, поскольку нормативное регулирование такой процедуры, порядка и субъектов ее инициирования, сроков пересмотра в действующем КПЭА отсутствует.

За период 2015 года отсутствуют факты направления Советом дисциплинарных производств квалификационной комиссии для нового разбирательства в порядке пп. 5 п.1 ст. 25 КПЭА.

По двум дисциплинарным делам Совет не согласился с заключением квалификационной комиссии и прекратил дисциплинарные производства за отсутствием в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

За исследуемый период не имеется фактов отмены или изменения решений Совета АПИО, обжалованных в суд. Из восьми принятых Советом по результатам рассмотрения

дисциплинарных производств решений, обжаловано в суд было только одно решение, по которому применена мера ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Суд первой инстанции, рассмотрев дело, в удовлетворении иска отказал, согласившись с решением Совета. Апелляционной инстанцией решение суда оставлено без изменения.

С учетом изложенного можно сделать вывод о высоком качестве рассмотрения дисциплинарных дел квалификационной комиссией и Советом палаты региона.

Оценивая значение и последствия примирительных процедур в дисциплинарном производстве, следует отметить, что в исследуемом периоде фактов прекращения дисциплинарных производств по основанию п. 7 ст. 19 КПА, то есть вследствие примирения адвоката с заявителем, не имеется. Вместе с тем, на стадии возбуждения дисциплинарных производств по двум обращениям заявителей жалобы были отозваны ввиду урегулирования спорных моментов между адвокатом и заявителем, и вопрос о возбуждении дисциплинарного производства был таким образом снят. В условиях действия нормы п. 7 ст. 19 КПА с изменениями, внесенными VI Всероссийским съездом адвокатов 22.04.2013 г., согласно которым отзыв жалобы, представления, обращения либо примирение адвоката с заявителем «могут повлечь» прекращение дисциплинарного производства, а не «влекут», как было в прежней редакции; примирительные процедуры отнюдь не потеряли своей актуальности, поскольку отзыв жалобы или примирение адвоката с заявителем в обязательном порядке рассматриваются Советом как возможное основание для прекращения дисциплинарного производства либо учитываются им при решении вопроса о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности.

Далее приведем обзор рассмотренных в 2015 году дисциплинарных производств.

Защитник не вправе покидать судебное заседание, не соглашаясь с действиями председательствующего судьи, отказавшего в удовлетворении ходатайства об отложении судебного разбирательства до явки подзащитного и признавшего возможным рассмотреть дело при имевшейся явке. Действия адвоката, самовольно покинувшего судебное заседание, расцениваются как нарушение права на защиту и влекут дисциплинарную ответственность.

Распоряжением президента АППО от 17.02.2015 г. на основании частного постановления судьи Фурмановского городского суда Ивановской области о ненадлежащем исполнении адвокатом О. своих профессиональных обязанностей и о нарушении им права доверителя на защиту было возбуждено дисциплинарное производство.

В ходе дисциплинарного производства было установлено, что 27 мая 2014 года и с 29 мая 2014 года по 06 июня 2014 года Фурмановским городским судом Ивановской области рассматривалось представление и.о. начальника ФКУ УИИ УФСИН России по Ивановской области в отношении Г. об отмене условного осуждения и исполнения наказания, назначенного приговором суда.

Интересы осужденного Г. в судебном заседании должны были представлять адвокаты А. и О.

27 мая 2014 года в судебное заседание не явился осужденный Г. Председательствующим была оглашена телеграмма, поступившая в адрес суда за подписью Г. об отложении рассмотрения дела для его личного участия в судебном процессе. После обсуждения сторонами данного ходатайства, суд постановил рассмотрение дела отложить на 29 мая 2014 года в 16.00.

29 мая 2014 года в судебное заседание не явились осужденный Г. и адвокат А. Судом на разрешение был поставлен вопрос о возможности рассмотрения дела в отсутствие не явившихся Г. и А. Адвокат О. возражал против рассмотрения дела в отсутствие указанных лиц, однако суд постановил продолжить рассмотрение дела при имеющейся

явке.

После этого адвокатом О. было заявлено ходатайство о допуске к участию в деле адвоката Б., у которого тоже заключено соглашение с Г. Суд в удовлетворении данного ходатайства отказал.

Также судом было сообщено, что в суд поступила телеграмма за подписью Г. об отложении рассмотрения дела для подготовки к прениям и предоставлении времени для его прибытия.

После выяснения председательствующим вопроса о готовности участников процесса к выступлению по представлению УИИ, адвокат О., извинившись, покинул зал судебного заседания.

Далее судебное заседание в отношении Г. об отмене условного осуждения и исполнения наказания по приговору суда было продолжено с участием других адвокатов в отсутствие осужденного Г. и было закрыто 06 июня 2014 года.

29 мая 2014 года в адрес адвокатской палаты Ивановской области в отношении адвокатов А. и О. было вынесено частное постановление, которое апелляционной инстанцией Ивановского областного суда 29 декабря 2014 года в отношении А. отменено, в отношении О. – оставлено без изменения.

Совет АПИО согласился с выводом квалификационной комиссии о том, что избранный адвокатом О. способ исполнения поручения по защите интересов Г. не может расцениваться в качестве честного, разумного, добросовестного, квалифицированного, принципиального и своевременного исполнения адвокатом своих обязанностей, что адвокат О. нарушил требования п.п. 1 п.1 ст.7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», устанавливающие обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Учитывая фактические обстоятельства совершения проступка адвокатом О., Совет палаты признал наличие в его действиях нарушения норм пп. 1 п.1 ст.7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и применил к адвокату О. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

Способ исполнения поручения по защите интересов доверителя не может расцениваться в качестве добросовестного и квалифицированного исполнения адвокатом своих обязанностей в случае ознакомления с двумя томами (317 листов) уголовного дела и вещественными доказательствами, среди которых – два DVD-диска, в течение 30 минут.

25 сентября 2015 года на основании распоряжения Президента Адвокатской палаты Ивановской области возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. на основании жалобы заявительницы С.

По результатам рассмотрения дисциплинарного дела было установлено:

24 февраля 2015 года в отношении заявительницы жалобы С. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст.290 УК РФ. Основанием для возбуждения уголовного дела послужили, в том числе, и две явки с повинной, которые были даны С. 24.02.2015 года о/у ОЭБ и ПК ОМВД России по Приволжскому району, а также следователю Фурмановского МСО СУ СК России по Ивановской области без участия адвоката. Сделана отметка о том, что протоколы подписаны, запись «с моих слов записано верно и мною прочитано» сделана рукописно, замечания к протоколу отсутствуют.

На предварительном следствии в порядке ст.50 УПК РФ защиту С. осуществлял

адвокат Д. При этом адвокат Д. в порядке ст.50 УПК РФ по этому же делу одновременно осуществлял защиту еще двух обвиняемых – Б. и С.М.Л.

27 апреля 2015 года С. в присутствии защитника Д. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 290 ч.3 и 292 ч.1 УК РФ. В тот же день она была допрошена в качестве обвиняемой с участием адвоката Д. На допросе она показала, что вину признает полностью, показания давать желает.

В тот же день 27 апреля 2015 года С. и Д. материалы уголовного дела в двух томах и вещественные доказательства, в том числе листок нетрудоспособности на имя А. предъявлены для совместного ознакомления, которое длилось 30 минут с 18 часов 10 минут до 18 часов 40 минут 27 апреля 2015 года. По итогам ознакомления С. заявила ходатайство о применении особого порядка судебного заседания.

27 августа 2015 года уголовное дело по обвинению С., Б. и С.М.Л. было начато рассмотрением в Приволжском районном суде Ивановской области с участием защитника Д., который представлял интересы всех подсудимых так же, как и на предварительном следствии. После оглашения обвинительного заключения на вопрос председательствующего о том, признает ли С. себя виновной по предъявленному обвинению, последняя заявила, что «полностью не признает. В ходе предварительного следствия её вынудили дать показания, которые она дала. Сотрудники полиции сказали ей, что если она не будет говорить так, как они написали, её посадят на 72 часа». После указанного заявления гособвинитель просил «отложить уголовное дело для смены защитника и направления сообщения С. прокурору для проведения проверки». Защитник Д. полагал необходимым предпринять меры для замены защитника. Суд постановил направить сообщение прокурору для проведения проверки, судебное разбирательство отложить на 16.09.2015 года, произвести замену защитника всем подсудимым.

В период с 16 по 29 сентября 2015 года уголовное дело в отношении С., Б. и С.М.Л. было рассмотрено Приволжским районным судом Ивановской области. Защиту С. осуществляла адвокат С. Государственный обвинитель в судебном заседании отказался от обвинения, предъявленного С. по ч.1 ст. 292 УК РФ. Защитник С. просила С. оправдать за отсутствием события преступления. 29 сентября 2015 года в отношении С., в том числе, был провозглашен обвинительный приговор, она была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ и приговорена к наказанию в виде штрафа в размере 40000 рублей с лишением права занимать врачебные должности, связанные с экспертизой временной нетрудоспособности и выдачей листков нетрудоспособности, сроком на 2 года.

Совет АПИО согласился с выводом квалификационной комиссии о том, что способ исполнения адвокатом Д. поручения по защите интересов С. не может быть расценен в качестве добросовестного и квалифицированного исполнения адвокатом своих обязанностей: ознакомление с двумя томами (317 листов) уголовного дела и вещественными доказательствами, среди которых – два DVD-диска, длилось всего 30 минут.

Диски при этом прослушаны не были. Запись в протоколе ознакомления о нежелании обвиняемой знакомиться с дисками отсутствует. С. с материалами уголовного дела и вещественными доказательствами 27 апреля 2015 года фактически ознакомлена не была. Адвокат Д. не отрицал того факта, что диски не слушались, материалы уголовного дела были «пролистаны», так как ранее он уже дважды знакомился с ними с другими обвиняемыми, Б. и С.М.Л.

Совет АПИО пришел к выводу о нарушении адвокатом Д. при защите С. требований пп. 1 п.1 ст.7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и пп 1п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми на запрещенными законодательством

Российской Федерации средствами, и с учетом конкретных обстоятельств и личности адвоката Д. применил к нему меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

К компетенции адвоката, не являющегося руководителем коллегии адвокатов, не относится организация делопроизводства в данном адвокатском образовании. По этой причине в действиях адвоката, использовавшего ордер адвоката при отсутствии требований органов дознания, предварительного следствия и суда, состав дисциплинарного проступка отсутствует.

Распоряжением Президента АППО от 16.07. 2015 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката У. по жалобе заявителя К. о ненадлежащем исполнении адвокатом У. своих профессиональных обязанностей.

В своей жалобе К. сообщила, что 02.02.2015 г. была задержана по подозрению в совершении преступления и находилась в состоянии сильного эмоционального потрясения, чем воспользовались оперативные сотрудники, оказав на нее давление и понудив написать явку с повинной. При этом «по звонку оперативников» был приглашен адвокат У., которого она (К.) приглашать не просила. Не выяснив, как ее зовут; не знакомясь с делом; не спрашивая у нее, что произошло; не общаясь с ней наедине; не разъясняя ей права, в том числе положений, предусмотренных статьей 51 Конституции РФ, а также последствий ее действий, указанный адвокат подписал явку с повинной, которую она написала «под диктовку» оперативного сотрудника. Они с адвокатом сидели «как два пенька с глазами» и выполняли инструкции оперативника. Тем самым адвокат У. своим присутствием и абсолютным бездействием не помог ей, а, напротив, сильно навредил, не сообщив о ее правах и не предприняв попытки защитить. Считает, что такие «гармония и взаимопонимание» со стороны обвинения для адвоката, который должен защищать интересы клиента, а не оперативников, являются недопустимыми, свидетельствуют о его некомпетентности, в связи с чем такой адвокат очень удобен стороне обвинения и оперативникам. В связи с изложенным, просит рассмотреть указанные действия (бездействие) адвоката на предмет наличия нарушений.

Из объяснений адвоката У. следует, что 2 февраля 2015 года по вызову сотрудников пункта полиции № 19 МВД РФ «Гейковский» прибыл к сотрудникам уголовного розыска для обеспечения права на защиту при оформлении заявления о явке с повинной К. Сотрудники представили его как адвоката, после чего он предложил К. поговорить наедине, выработать позицию и разъяснить ее права, от чего К. отказалась. Он повторно представился К., разъяснил, в связи с чем приглашен, поинтересовался ее самочувствием и обстоятельствами произошедшего, выяснил не оказывалось ли на нее физическое или психологическое давление. К. указала на необходимость написания явки с повинной с целью облегчения своего положения, так как ее «взяли с поличным» при получении взятки, указала, что на здоровье жалоб нет, и давление на нее не оказывалось. Он (У.) ответил на вопросы К., разъяснил ее процессуальные права, в том числе, положения статьи 51 Конституции РФ и Уголовного кодекса РФ, разъяснил последствия дачи признательных показаний и написания явки с повинной, процессуальный порядок оформления соответствующего протокола. После всех разъяснений К. подтвердила добровольное желание написать заявление о явке с повинной, сообщила, что времени для общения с адвокатом достаточно, против его (У.) участия в данном процессуальном действии не возражала, в связи с чем он выписал ордер и передал его сотруднику полиции. При написании явки с повинной на К. давление не оказывалось, ей были разъяснены права и последствия совершаемых действий, что она подтвердила собственноручной подписью, после чего добровольно дала пояснения сотруднику полиции, проверила их правильность, что также удостоверяла своей подписью. Никаких замечаний по качеству оказываемой юридической помощи после 2.02.2015 года и до подачи жалобы К. не высказывала, в связи с чем он считает доводы жалобы

необоснованными и не соответствующими действительности, направленными на облегчение ее положения при рассмотрении уголовного дела по существу по тактическим соображениям.

Квалификационной комиссией по результатам рассмотрения дисциплинарного производства сделан вывод о наличии в действиях (бездействии) адвоката У. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката и установлены следующие фактические обстоятельства:

- адвокат У. 2 февраля 2015 года по личной просьбе (звонку) оперуполномоченного выписал ордер на защиту К. и на основании этого ордера был допущен к осуществлению ее защиты. В тот же день он подписал протокол явки с повинной, оформленный с участием К. При этом осознавал, что письменное требование (заявка) либо телефонограмма руководителю адвокатского образования не направлялись, решение о его назначении для выполнения требования (заявки) руководителем адвокатского образования не принималось; в журнале поступивших требований (сообщений) отметка о поступлении требования, дате проведения следственных действий, дознавателе (следователе) и адвокате, которому поручено участие в деле по назначению, не делалась;
- адвокат У. выписал ордер на защиту К. в отсутствие зарегистрированного в документации адвокатского образования требования (поручения) в порядке назначения на оказание юридической помощи; заполнил его, не получив от руководителя адвокатского образования поручение на участие в судопроизводстве в порядке ст.ст. 50-51 УПК РФ;
- при осуществлении профессиональной деятельности не принял никаких мер для ведения адвокатского производства по принятому им поручению на защиту К.

Квалификационная комиссия усмотрела в действиях адвоката У. нарушения пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 4 ст. 8, пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно: не выполнил обязанности адвоката вести адвокатское производство и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; оказывал юридическую помощь по назначению органов дознания в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В части доводов жалобы К. о давлении, оказываемом на нее оперативными сотрудниками, понуждении к написанию явки с повинной, написании явки с повинной под диктовку оперативного уполномоченного полиции, Квалификационная комиссия отметила, что согласно п. 1 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», в компетенцию Квалификационной комиссии не входит установление в действиях лиц, не имеющих статуса адвоката, признаков уголовно наказуемых деяний, поскольку эти доводы подлежат проверке в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. В связи с этим жалоба в соответствующей части Квалификационной комиссией не рассматривалась.

Доводы жалобы К. о том, что У. «не выяснив, как ее зовут; не знакомясь с делом; не спрашивая у нее, что произошло; не общаясь с ней наедине; не разъясняя ей прав, в том числе положений, предусмотренных статьей 51 (Конституции РФ), а также последствий ее действий ... подписал явку с повинной, которую она написала «под диктовку» оперативного сотрудника» не нашли подтверждения при разбирательстве дела квалификационной комиссией. Квалификационная комиссия пришла к выводу об отсутствии фактов ненадлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем в этой части.

Совет адвокатской палаты, рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав устные объяснения адвоката У., объяснения руководителя его адвокатского образования, пришел к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

В соответствии с Положением «О порядке участия адвокатов Ивановской области в качестве защитников и представителей в уголовном и гражданском судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда» для назначения защитника дознаватель, следователь или судья направляет письменное требование (заявку) руководителю адвокатского образования или сообщает об этом по телефону в виде телефонограммы (п. 3.3); руководитель адвокатского образования назначает для выполнения требования (заявки) защитника из числа дежурных адвокатов (п. 3.4); в базовом адвокатском образовании ведется журнал поступивших требований (сообщений), в котором делается отметка с указанием даты поступления требования, даты проведения следственных действий (суда), дознавателя (следователя, судьи) и адвоката, которому поручено участие в деле по назначению (п. 3.5), адвокат, вступивший по назначению, участвует в нем на всех стадиях судопроизводства (п. 3.8).

Адвокатское образование, в котором осуществляет адвокатскую деятельность адвокат У., расположено территориально в г. Иваново, требования (письменные или по звонку) от органов дознания, предварительного следствия и суда для Ильинского района, расположенного на расстоянии 100 км. от г. Иваново не принимает. Правила ведения делопроизводства, приема требований от органов дознания, предварительного следствия и суда по Ильинскому району в коллегии не установлены. Адвокат У. принимает требования «напрямую», минуя адвокатское образование, по согласованию с руководителем адвокатского образования. Поэтому Совет пришел к выводу, что при наличии правильно установленных фактических обстоятельств, квалификационная комиссия дала им ненадлежащую правовую оценку, установив нарушения в действиях адвоката У., к компетенции которого не относится организация делопроизводства в коллегии.

По этим же основаниям Совет не согласился с выводами комиссии о наличии нарушений в действиях адвоката У., выразившихся в использовании адвокатом ордера при отсутствии требований органов дознания, органов предварительного следствия или суда.

Ведение адвокатского производства является обязанностью адвоката, отсутствие его в данном случае правильно установлено квалификационной комиссией. Однако, адвокат У. принимал участие только в одном следственном действии 02.02.2015 года – получении явки с повинной, далее защиту К. стал осуществлять другой адвокат. Поэтому отсутствие адвокатского производства в виде копии единственного протокола явки с повинной не может образовывать состава дисциплинарного проступка.

В соответствии с п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

Из жалобы К. не следует, что адвокатом У. нарушены обязанности адвоката по ведению адвокатского производства, что он не исполнил решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; оказывал юридическую помощь по назначению органов дознания в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета. Представление вице-президента палаты по указанным фактам не вносилось.

С учетом изложенного Совет АПИО, соглашаясь с установленными квалификационной комиссией фактическими обстоятельствами, посчитал необходимым дать иную правовую оценку действиям (бездействиям) адвоката, и прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката У, на основании пп.2. п.1. ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Адвокатом, заключившим в суде мировое соглашение на основании доверенности, выданной представляемым им лицом, вышеуказанные нормы и правила не нарушены.

Распоряжением Президента АППО от 02.09.2015 г. возбуждено дисциплинарное производство по жалобе Ш. о ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей и нарушении норм законодательства об адвокатуре адвокатом Ц.

В жалобе указано, что Ц., представляя его интересы по гражданскому делу о выделе в натуре доли участника долевой собственности из общего имущества (домовладения) во Фрунзенском районном суде г. Иваново, не согласовав свои действия с доверителем, на заведомо неприемлемых для него условиях заключил мировое соглашение с ответной стороной, в результате чего производство по делу было прекращено, а самому Ш. вместо желаемой им доли в домовладении была определена денежная компенсация ее стоимости. Полагает, что адвокатом Ц. ему не было оказано надлежащей квалифицированной юридической помощи.

Адвокат Ц. не согласился с доводами жалобы, сообщил, что никаких нарушений при оказании юридической помощи Ш. не допускал, выполнял свои обязанности надлежащим образом, в пределах полномочий, которыми он был наделен своим доверителем, причем – согласовав с ним возможность заключения от его имени мирового соглашения, его условия, полностью его устраивавшие. Ц. предоставил копии трех доверенностей, выданных ему Ш., а также копии переписки с Ш. по электронной почте.

Квалификационной комиссией по результатам рассмотрения дисциплинарного производства были установлены следующие обстоятельства:

В период с сентября 2014 года по июль 2015 года адвокат Ц. оказывал Ш. юридические услуги, связанные с подготовкой и ведением в его интересах нескольких гражданских дел по его искам, рассматриваемым во Фрунзенском районном суде г. Иваново, на основании заключенного между ними соглашения от 19 сентября 2014 года. Между сторонами возникли правоотношения, урегулированные действующим гражданским законодательством.

Согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются.

На основании п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

При таких обстоятельствах на заявителя жалобы, не согласного с действиями адвоката при выполнении своих обязанностей перед ним, возлагается обязанность доказать факты ненадлежащего выполнения адвокатом принятого на себя поручения.

В этой связи комиссия отмечает, что в рамках данного производства стороной заявителя жалобы не представлено доказательств того, что, выполняя данное поручение, адвокат Ц. действовал ненадлежащим образом, а потому доводы Ш. не могут быть расценены как обоснованные.

Не нашел своего подтверждения факт того, что в ходе судебного разбирательства 28 июля 2015 года Ц., заключая мировое соглашение с ответной стороной по делу, не согласовал эти свои действия с доверителем, сделал это на заведомо неприемлемых для него условиях. Адвокат Ц. предоставил переписку с Ш. в распечатанном виде, из которой следует, что Ц. действительно направлял доверителю проект будущего мирового соглашения. Из переписки по электронной почте также достоверно следует, что с Ш.

обсуждались вопросы, связанные с возможностью заключения мирового соглашения, по которому ему причиталась денежная компенсация его доли в домовладении с прекращением права его собственности на нее.

Так, установлено и подтверждено копиями данных документов, что на момент заключения мирового соглашения в суде, Ц. имел одновременно три действующие доверенности от Ш., коими последний наделил адвоката самым широким объемом полномочий судебного представителя, в том числе – и всеми так называемыми специальными полномочиями, одним из которых и является право представителя на заключение мирового соглашения от имени своего доверителя (в том числе – и доверенность от 27 июля 2015 года, т.е. выданную непосредственно перед судебным заседанием, в котором и было заключено мировое соглашение – 28 июля 2015 года).

Таким образом, адвокат Ц. имел полное право заключать от имени Ш. мировое соглашение, что и реализовал при рассмотрении данного дела, при этом довод заявителя жалобы о том, что между ними не обговаривалась возможность совершения адвокатом такого процессуального действия, противоречит документам дисциплинарного производства.

Днями, близкими к судебному заседанию (22 и 24 июля 2015 года) датированы также справка с места работы заявителя и его собственноручно подписанное заявление, которым он извещал суд о рассмотрении дела в его отсутствие.

Совокупностью данных документов с очевидностью подтверждается факт того, что накануне судебного заседания адвокат и доверитель встречались (Ш. данный факт не оспаривает), следовательно, оговаривали детали предстоящего процесса.

В свою очередь по этому поводу Ц. пояснил (и обратное не доказано), что действительно возможность разрешения спора именно таким образом активно обсуждалась накануне (в том числе – с личным участием Ш.), текст предполагаемого к заключению мирового соглашения неоднократно редактировался с учетом пожеланий сторон, а потому подписанный вариант и был уже в таком виде распечатан на принтере.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Адвокатом не нарушены указанные нормы и правила. В соответствии со ст. 54 ГПК РФ, право представителя на заключение мирового соглашения было специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом Ш.

Совет АП ИО согласился с заключением квалификационной комиссии об отсутствии в действиях адвоката Ц. нарушений норм ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката и прекратил дисциплинарное производство.

Действующее законодательство не содержит запрета на принятие адвокатом поручения на оказание юридической помощи по гражданскому делу лицу, если адвокат ранее по другому гражданскому делу оказывал помощь как этому лицу, так и другому доверителю, интересы которого в настоящем гражданском деле противоречат интересам данного лица.

Распоряжением Президента АП ИО было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М. по жалобе гражданина П., указавшего, что 26 ноября 2013 г. между П. и адвокатом М. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, которое сторонами исполнено в полном объеме. На основании этого соглашения адвокат М. представлял в суде интересы П. по гражданскому делу о взыскании ущерба, причиненного соседями в результате пожара. Интересы соистца по данному делу

гражданки К. совпадали с интересами П. и были направлены на получение возмещения в размере ущерба, причиненного принадлежащему им имущества - ½ доли в праве общей собственности на жилой дом. Расходы на услуги адвоката соистцы П. и К. несли совместно. В ходе судебного разбирательства ответчик подарила истцам в счет возмещения вреда принадлежавшую ей ½ доли в праве собственности на жилой дом и земельный участок, после чего П. и К. стали собственниками указанного недвижимого имущества – по ½ доли у каждого. В ответ истцы отказались от исковых требований и производство по делу было прекращено на основании Определения Ленинского районного суда г. Иваново от 8 мая 2014 г.

6 июля 2015 г. П. обратился в суд с иском к К. о прекращении права собственности на вышеуказанный жилой дом. Иск основан на том, что в результате пожара дом был уничтожен, с согласия ответчицы К. оставшиеся конструкции старого дома были разобраны и возведено новое строение.

К. с иском П. не согласилась и основывает свои возражения на том, что истец без ее разрешения самовольно реконструировал дом, и тем, что от пожара не пострадали относящиеся к домовладению надворные постройки, в частности кирпичный гараж.

С 25 августа 2015 г. адвокат М. на основании соглашения об оказании юридической помощи стал представлять интересы ответчицы К. по указанному гражданскому делу.

25 августа 2015 г. на судебном заседании адвокатом М. были даны следующие пояснения: «В результате пожара... часть дома пострадала и в счет причиненного ущерба вторая квартира была передана в собственность П. и К. посредством договора дарения объекта, пострадавшего от пожара, в долевом отношении. Снос старого строения и возведение нового проводились без согласия моей доверительницы. Большая часть дома находилась на тот момент в хорошем состоянии. Следовательно, истец самовольно уничтожил недвижимость».

2 сентября 2015 г. на судебном заседании адвокат М., действуя от имени К., заявил, что «в действительности имело место не строительство нового объекта, а реконструкция старого дома, доли в натуре не определены». На вопрос представителя истца, на чем основано утверждение о восстановлении дома, адвокат М. пояснил, что это видно визуально.

Со ссылками на пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; статью 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, квалификационная комиссия указала на то, что адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица (пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон (п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката). Комиссия констатировала, что в рассматриваемой ситуации адвокат М. не выполнил перечисленные требования Федерального закона и Кодекса профессиональной этики адвокатов.

При этом квалификационной комиссией сделан вывод, что установленный п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» запрет адвокату принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица, не может быть понимаем лишь в отношении настоящих, но не бывших доверителей адвоката, поскольку положения данной нормы закона должны рассматриваться в системной взаимосвязи с иными нормами законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе регламентирующими институт адвокатской тайны.

Из смысла приведенных положений закона и кодекса следует, что адвокат не должен принимать поручение на оказание юридической помощи лицу, являющемуся оппонентом в споре с предыдущим доверителем адвоката, если новое дело связано с прежним и участие адвоката в новом деле может отразиться на интересах прежнего или нового доверителя. Связь между делами является значительной, если адвокату для полноты оказания юридической помощи новому доверителю необходимо использовать информацию, полученную от прежнего доверителя. Как в прежнем споре о возмещении ущерба, причиненного жилому дому в результате пожара, так и в новом споре о прекращении права собственности К. на $\frac{1}{2}$ доли в праве общей собственности на жилой дом существенное значение имеют одни и те же обстоятельства относительно технического состояния жилого дома по вышеуказанному адресу. На момент участия в качестве представителя ответчика К. в гражданском деле по иску о прекращении права собственности на жилой дом адвокат М. мог знать о конфликте интересов своих доверителей. В новом гражданском деле прежний доверитель П. и новый доверитель К. занимают противоположную позицию по оценке технического состояния пострадавшего от пожара спорного жилого дома. Из содержания искового заявления и пояснений сторон судебного разбирательства вытекает, что истец и ответчик по-разному оценивают степень разрушения жилого дома и возможность использования конструкций старого дома. Результат разрешения нового гражданского дела напрямую зависит от правовой оценки данных обстоятельств, характеризующих степень повреждения жилого дома в результате пожара и вытекающих из прежнего спора, в котором адвокат М. выступал на стороне П. – оппонента его нового доверителя К. Без использования сведений, полученных от П., пусть и действовавшего сообща с заинтересованным лицом К., по спору о возмещении причиненного его имуществу ущерба, невозможно оказание юридических услуг в рамках последовавшего спора о прекращении права собственности на жилой дом.

Иные доводы, приведенные заявителем жалобы о личной заинтересованности адвоката М. и чинимых им препятствиях в примирении с К., являются несостоятельными, поскольку не подтверждаются имеющимися в материалах дисциплинарного производства доказательствами, которые участники дисциплинарного производства вправе предоставлять на основе принципов состязательности и равенства их прав (ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвокатов).

Руководствуясь п. 7 ст. 33 Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, квалификационная комиссия вынесла решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившихся в принятии поручения на представительство в суде по гражданскому делу ответчика К., чьи интересы в данном гражданском деле являются противоположными интересам истца П., представителем которого адвокат М. выступал в ранее оконченном гражданском деле, существенно связанном по фактическим обстоятельствам с данным гражданским делом.

Совет АППО, рассмотрев дисциплинарное производство, пришел к выводу о том, что фактические обстоятельства квалификационной комиссией установлены правильно, но допущена ошибка в правовой оценке деяния адвоката, толковании закона и Кодекса. Согласно подпункту 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, **если оказывает** юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Согласно пункту 1 статьи 11 Кодекса адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон **в одном деле**, чьи интересы противоречат друг

другу, а может лишь способствовать примирению сторон.

Правовой вывод комиссии о том, что адвокат не должен принимать поручение на оказание юридической помощи лицу, являющемуся оппонентом в споре с предыдущим доверителем адвоката, ошибочен.

В указанных нормах не содержится запрета на принятие поручения на оказание юридической помощи по гражданскому делу лицу, если он ранее, по другому гражданскому делу, оказывал помощь, как этому лицу, так и другому доверителю, интересы которого в настоящем гражданском деле противоречат интересам данного лица.

Вывод комиссии при оценке собранных доказательств о том, что результат разрешения нового гражданского дела напрямую зависит от правовой оценки обстоятельств, характеризующих степень повреждения жилого дома в результате пожара и вытекающих из прежнего спора, в котором адвокат М. выступал на стороне П. – оппонента его нового доверителя К., не подтвержден в заключении решением суда.

В связи с изложенным Совет АПИО прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката М. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Срыв судебного заседания при отсутствии уважительных причин для неявки адвоката в суд в назначенное время, неисполнение адвокатом обязанности по заблаговременному уведомлению суда о своей неявке в нарушение п. 1 ст. 14 КПА и предоставление суду справки, содержащей недостоверные сведения, является дисциплинарным проступком.

Распоряжением президента Адвокатской палаты Ивановской области от 08.10.2015 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М. на основании частного определения судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 30.09.2015 г., в котором обращалось внимание на допущенные нарушения норм законодательства об адвокатуре адвокатом М. и ставился вопрос о привлечении его к дисциплинарной ответственности.

Из частного определения следовало, что при производстве по уголовному делу в отношении Р. в апелляционной инстанции адвокат М. грубо нарушил положения Кодекса профессиональной этики адвоката и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7). При наличии соглашения на оказание юридической помощи в судебное заседание апелляционной инстанции 14.09.2015 года адвокат М. не явился, о причинах невозможности участия в судебном заседании сведений не представил. Не сообщила этого и председатель коллегии адвокатов, членом которой является адвокат М. В связи с этим процесс был отложен на 21.09.2015 г. В указанный день к началу судебного заседания адвокат М. прибыл в здание Ивановского областного суда с признаками опьянения, вызванного употреблением алкоголя, что подтверждено рапортом судебного пристава по ОУПДС Щ. от 21.09.2015 г. Сам М. пояснил, что болен, употреблял седативные капли, имеющие схожий с алкоголем запах; представил справку за подписью председателя коллегии адвокатов о том, что с 16 сентября 2015 года он находится на амбулаторном лечении. Состояние опьянения адвоката было очевидным для судебной коллегии и иных участников процесса. Согласившись с предложением судебной коллегии пройти медицинское освидетельствование в целях исключения состояния опьянения, по прибытии в ОБУЗ «Ивановский областной наркологический диспансер» для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения, адвокат от прохождения освидетельствования демонстративно отказался. Судебное заседание вновь было отложено на 28.09.2015 года для обеспечения права осужденного на защиту, который в последующем заключил соглашение с другим защитником. Сведения о нахождении М. на

лечении, как это следовало из представленной справки, не подтвердились. Отношение адвоката М. к выполнению профессиональных обязанностей привело к нарушению права подзащитного на своевременное рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции.

Несмотря на своевременное уведомление о месте и времени судебного заседания, адвокат М. на рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции 14 сентября 2015 года не прибыл, о причинах своей неявки в назначенное время суд и адвокатское образование не уведомил, о назначении другого времени для его проведения не ходатайствовал. Никаких мер для уведомления Ивановского областного суда о невозможности своей явки в судебное заседание адвокат М. не принял, чего не отрицал в своих объяснениях. Обоснование такого бездействия отсутствием телефонного номера Ивановского областного суда, на что ссылался М., не может быть признано уважительным и убедительным. Никаких объективных свидетельств, в том числе медицинской документации, указывающей на болезнь М., в заседании не было представлено.

Как недопустимые следует оценивать и обстоятельства предоставления адвокатом М. в Ивановский областной суд справки о прохождении амбулаторного лечения, содержащей недостоверные сведения (чего не отрицал сам М.), что выяснилось в результате проверки, проведенной судом апелляционной инстанции и подтверждается ответом из лечебного учреждения.

Совет АПИО согласился с выводом квалификационной комиссии об отсутствии уважительных причин для неявки в назначенное время в судебное заседание и о неисполнении адвокатом М. обязанности по заблаговременному уведомлению суда о такой неявке в нарушение п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката. Также Совет АПИО поддержал вывод квалификационной комиссии о нарушении адвокатом пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ при предоставлении суду справки, содержащей недостоверные сведения.

Из частного определения от 30 сентября 2015 года следует, что адвокат М. прибыл в здание Ивановского областного суда с признаками опьянения, вызванного употреблением алкоголя, в связи с чем судебное заседание было отложено. Признаки, свидетельствующие о таком состоянии адвоката, зафиксированы в рапорте судебного пристава от 21.09.2015 года, объяснении адвоката М. на имя судьи. Даже при отсутствии документов, устанавливающих состояние алкогольного опьянения у адвоката М., указанных обстоятельств достаточно, чтобы считать, что срыв судебного заседания 21 сентября 2015 года произошел по вине адвоката М., который надлежащим образом был извещен о времени и месте рассмотрения уголовного дела, чего не оспаривал адвокат в своих объяснениях.

Совет АПИО согласился с выводом квалификационной комиссии о том, что адвокат М. нарушил требования п. 1 ст. 8, ст. 12 и п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, заблаговременно уведомлять суд о невозможности явиться в суд.

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры.

Учитывая принятие адвокатом медицинских мер к предотвращению аналогичных нарушений в будущем, наличие у адвоката несовершеннолетнего ребенка, 14-летний стаж адвокатской деятельности, ходатайство его адвокатского образования в поддержку адвоката, низкую численность членов коллегии адвокатов, в которой осуществляет адвокатскую деятельность М., и их высокую занятость в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда в закрепленном за ними судебном районе, Совет принял решение

применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

В связи с тем, что занятая адвокатом в судебном заседании в ходе судебных прений позиция явно противоречила позиции его доверителя, адвокат не выполнил своих профессиональных обязанностей, связанных с защитой доверителя, выступил фактически на стороне обвинения, чем лишил осужденную права на эффективную судебную защиту. При таких обстоятельствах нельзя признать, что права и законные интересы доверителя отстаивались адвокатом честно, разумно и добросовестно.

Распоряжением Президента Адвокатской палаты Ивановской области на основании частного постановления судьи Ивановского областного суда от 06.04.2015 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. по факту ненадлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей и о грубом нарушении адвокатом Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31.05.2002 года и Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении защиты подсудимой А., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ.

В ходе дисциплинарного производства было установлено, что адвокат Л., осуществляя защиту обвиняемой А. по уголовному делу в Шуйском городском суде Ивановской области, в ходе состоявшихся по делу судебных прений указал, что с учетом наличия в действиях А. рецидива совершения преступлений ей невозможно назначить наказание в виде штрафа или исправительных работ, и просил назначить наказание в виде лишения свободы в минимальном размере, при этом сама подсудимая в дополнениях к судебному следствию и в последнем слове просила назначить ей наказание в виде штрафа. Адвокат Л. просил о применении к А. наказания более тяжкого, нежели предложенное государственным обвинителем (исправительные работы с удержанием 10% заработной платы осужденной) и того, которое не предусмотрено санкцией ч. 1 ст. 307 УК РФ.

Квалификационная комиссия пришла к заключению о наличии в действиях адвоката Л. нарушений пп. 3 п. 4 ст. 6, пп. 1, пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31.05.2002 года, п. 1 ст. 8, пп. 1, пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет Адвокатской палаты, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив заключение квалификационной комиссии, заявление адвоката Л. о несогласии с данным заключением, выслушав адвоката Л., запросив дополнительные документы, согласился с фактическими обстоятельствами, установленными квалификационной комиссией.

В соответствии с пп. 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31.05.2002 года адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя,

В соответствии с пп. 1, пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31.05.2002 года адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

Согласно п. 1 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

В силу с пп. 1, пп. 2 п. 1 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе действовать вопреки законным

интересам доверителя и занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат – защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного.

Совет АПИО пришел к выводу, что занятая адвокатом Л. в судебном заседании в ходе судебных прений позиция явно противоречила позиции его доверителя – подсудимой А.; адвокат Л. не выполнил своих профессиональных обязанностей, связанных с защитой А., по существу выступил на стороне обвинения, чем лишил осужденную права на эффективную судебную защиту; при таких обстоятельствах нельзя признать, что права и законные интересы доверителя отстаивались адвокатом честно, разумно и добросовестно.

Данный вывод подтверждаются содержанием протокола судебного заседания по уголовному делу в отношении А., сообщением судьи Шуйского городского суда Ивановской области об отсутствии замечаний на протокол судебного заседания со стороны адвоката Л., а также содержанием ходатайства адвоката Л. об ознакомлении с протоколом судебного заседания.

Совет критически оценил доводы адвоката Л. о том, что:

- в частном постановлении его речь в судебных прениях изложена неверно;
- об имеющемся у А. рецидиве преступлений, который препятствует назначению ей наказания в виде штрафа или обязательных работ, им в прениях не упоминалось;
- в прениях им предлагалось ограничиться назначением А. наказания в виде штрафа или обязательных работ, которые предусмотрены санкцией ч. 1 ст. 307 УК РФ;
- минимальное наказание в виде лишения свободы им предлагалось применительно к ст. 70 УК РФ;
- свою позицию он согласовывал с подсудимой А.;
- его речь в протоколе судебного заседания была искажена после его ознакомления с протоколом судебного заседания в суде первой инстанции.

Указанные доводы адвоката Л. являются несостоятельными, какими – либо фактическими данными не подтверждены и противоречат содержанию протокола судебного заседания, замечания на который адвокатом не подавались, несмотря на то, что он ознакомился с материалами уголовного дела.

Каких – либо сведений о том, кем именно, в какой период и по каким мотивам речь адвоката в прениях была искажена, адвокатом Л. не приведено.

Кроме того, из содержания фразы, имеющейся в защитительной речи адвоката: «К сожалению, наличие рецидива не дает возможность назначить наказание в виде штрафа или исправительных работ, поэтому *прошу назначить минимальный размер наказания в виде лишения свободы*», однозначно следует, что сказанное относится к санкции ч. 1 ст. 307 УК РФ, а не к сложению наказаний по приговорам в порядке ст. 70 УК РФ.

Утверждение адвоката Л. о том, что свою позицию он согласовывал с обвиняемой А., также не подтверждается протоколом судебного заседания, из которого следует, что *подсудимая дважды высказывала суду просьбу о назначении ей наказания в виде штрафа*, а защитник, действуя вопреки интересам и позиции подзащитной, просил о минимальном наказании в виде лишения свободы.

Также Совет находит несостоятельным довод адвоката о недопустимости частного постановления судьи Ивановского областного суда в качестве повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Частное постановление судьи соответствует требованиям п. 2 ст. 20 КПЭА и на основании пп. 4 п. 1 ст. 20 КПЭА является поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку содержит обращение судьи, рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес адвокатской

палаты.

При этом Советом учитывалось, что указанное частное постановление адвокатом Л. обжаловалось, но вышестоящими судебными инстанциями было оставлено без изменения.

Позиция осужденной А. о том, что защитником Л. ее права не были нарушены, а также ее просьба о прекращении дисциплинарного производства в отношении Л. Советом АПИО во внимание не были приняты, поскольку А. не является участником дисциплинарного производства и поэтому не вправе обращаться с соответствующей просьбой в Квалификационную комиссию и Совет Адвокатской палаты Ивановской области.

Совет при рассмотрении настоящего дисциплинарного производства учитывал, что в отношении адвоката Л. неоднократно возбуждались дисциплинарные производства за аналогичные нарушения им профессиональных обязанностей, а также тот факт, что ранее к нему уже применялась мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Л. грубо нарушил правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных и профессиональных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии. Совет пришел к выводу о том, что совершенное адвокатом Л. нарушение не совместимо со статусом адвоката, и применил к нему меру дисциплинарной ответственности – прекращение статуса адвоката.

Основанием для выхода адвоката из дела является удовлетворение судом в судебном заседании заявления подсудимого об отказе от защитника, разрешенное в присутствии последнего.

Распоряжением Президента АПИО на основании обращения мирового судьи судебного участка № 9 Канавинского судебного района г. Нижний Новгород Нижегородской области от 18.09.2015 г. и представления вице-президента от 06.10.2015 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Ц. по факту ненадлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей при осуществлении защиты подсудимого П.

В соответствии с обращением мирового судьи адвокат Ц., осуществляя защиту подсудимого П., не явился в судебные заседания, назначенные на:

- 24.07.2015 г., не проинформировав суд о причинах своей неявки. Извещение о назначении судебного заседания на 24.07.2015 г. на 09 час. 00 мин. адвокат Ц. получил 13.07.2015 г.
- 03.08.2015 г. защитник Ц. в судебное заседание не явился, мотивируя тем, что по семейным обстоятельствам выехал в другое государство, ориентировочный срок возвращения 14.08.2015 г.
- 03.09.2015 г. защитник Ц. в судебное заседание не явился, не проинформировав о причинах неявки, извещение о назначении судебного заседания на 03.09.2015 г. на 9 час. 00 мин. адвокату было направлено 11.08.2015 г. на электронную почту;
- 09.09.2015 г. защитник Ц. в судебное заседание не явился, не проинформировав о причинах неявки. Адвокат Ц. извещен о дне судебного заседания телефонограммой от 03.09.2015 г.
- 14.09.2015 г. защитник Ц. в судебное заседание не явился, не проинформировав о причинах неявки, был извещен о дне судебного заседания телефонограммой от 09.09.2015 г.;
- 18.09.2015 года защитник Ц. в судебное заседание не явился, не проинформировав о причинах неявки, был извещен о дне судебного заседания телеграммой. Телеграмма не доставлена, адресат по извещению за телеграммой не явился. Также адвокату на номер его мобильного телефона секретарем судебного заседания осуществлялись звонки с целью

сообщения даты судебного заседания, однако, вызов адвокатом не принимался; 18.09.2015 г. подсудимый П. заявил ходатайство о вызове в качестве защитника адвоката Ц. для оказания ему юридической помощи; судебное заседание было отложено на 22.09.2015 г. на 13.00 час.

По сообщению суда, неявка защитника адвоката Ц. повлекла необоснованное затягивание процесса по уголовному делу в отношении П., что прямо нарушает положения ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Также судом обращено внимание на неисполнение защитником Ц. требований ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также положений «Кодекса профессиональной этики адвоката» в части осуществления защиты подсудимого П. по соглашению об оказании юридической помощи.

Из представления вице – президента АПИО следует, что в соответствии с сообщением суда адвокат Ц. неоднократно не являлся в судебные заседания, а также отказался выполнить требования суда об обязательном участии в судебном заседании при последнем слове подсудимого; адвокатом Ц. были нарушены ст. ст. 258, 391, 392 УПК РФ, ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ст. 12 КПЭА.

Квалификационная комиссия установила, что 24.07.2015 года адвокат Ц. не явился в судебное заседание без уважительной причины, не уведомив суд о причине своей неявки, в связи с чем судебное заседание было сорвано.

Адвокат Ц. объяснил свою неявку в судебное заседание 24.07.2015 г. тем, что по согласованию с подзащитным, в целях недопущения возобновления судебного следствия, было принято решение о том, что П. должен защищаться самостоятельно, в связи с чем тот обратился к мировому судье с письменным заявлением от 24.07.2015 года. В удовлетворении заявления судьей было отказано, заседание отложено на 03.08.2015 года. Из исследованных комиссией письменных доказательств (судебного извещения от 13.07.2015 года об отложении судебного заседания на 9 час. 00 мин. 24.07.2015 года, расписки защитника Ц. о получении извещения) комиссия сделала вывод, что адвокат Ц. был надлежащим образом уведомлен о дате и времени судебного заседания, причины неявки адвоката комиссия признала неуважительными. Согласно требованиям ст. 52 УПК РФ, расторжение соглашения об оказании юридической помощи по инициативе доверителя основанием для выхода адвоката из дела (а, следовательно, для неявки в судебное заседание) служить не может.

Таким основанием является только удовлетворение судом в судебном заседании заявления подсудимого об отказе от защитника, разрешенное в присутствии последнего. Ц. должен был явиться в судебное заседание (либо в случае невозможности по уважительным причинам сделать это – уведомить об этом суд) для обеспечения обвиняемому права на защиту его прав, свобод и законных интересов и принять участие в рассмотрении заявления П. об отказе от услуг данного защитника.

Не явившись в судебное заседание, адвокат Ц. создал условия, препятствующие осуществлению уголовного судопроизводства, при этом, право П. на защиту было нарушено.

Причины неявки адвоката Ц. в судебные заседания, назначенные на 03 августа, 03, 09, 14, 18 сентября 2015 г., комиссия признала уважительными, поскольку адвокат Ц. своего согласия на уведомление его о дате и времени судебного заседания посредством сообщений на электронную почту или смс-сообщений не давал, телефонограмм и телеграмм о назначении судебных заседаний он не получал.

Совет АПИО согласился с заключением квалификационной комиссии и пришел к выводу о нарушении адвокатом Ц. требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, ст. 12, п. п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством

Российской Федерации средствами, соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, заблаговременно извещать суд о невозможности прибыть для участия в судебном заседании по уважительной причине.

Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

По итогам обобщения дисциплинарной практики АППО за 2015 год и с учетом озабоченности корпорации поддержанием престижа профессии адвоката и укреплением имиджа адвокатского сообщества следует отметить, что в целях минимизации конфликтных ситуаций и во избежание поводов для привлечения к дисциплинарной ответственности актуальными, как и прежде, остаются вопросы строгого учета адвокатами своей профессиональной занятости, незамедлительного реагирования на совпадение дел по дате и времени и заблаговременного уведомления судов и следственных органов о своей занятости; вопросы гонорарной практики; высокопрофессиональное, добросовестное и ответственное отношение адвоката к оказанию юридической помощи доверителю; неукоснительное соблюдение закона и нравственных основ профессии адвоката.

Член Совета Адвокатской палаты
Ивановской области

И.А. Зудова